

«Я был причастен к объединению Германии»

Известный немецкий политик Лотар де Мезьер рассказал «НВ» о том, как шло воссоединение ФРГ и ГДР и почему будущее Европы немыслимо без России.

Последний премьер ГДР Лотар де Мезьер,

объединявший Германию вместе с Гельмутом Колем, считает, что его карьера всю жизнь катилась по наклонной плоскости: «Сначала я был музыкантом, потом стал юристом и, наконец, докатился до политика»

История, как дама ироничная, нередко поднимает на гребне революционных волн тех людей, которые меньше всего стремятся вести за собой миллионы. Яркий тому пример – судьба Лотара де Мезьера, который, оценивая свой жизненный путь, любит шутить: «Моя карьера всегда шла вниз по наклонной плоскости – сначала я был музыкантом, потом стал юристом и, наконец, докатился до политика». Альтист и адвокат, потомок французов-гугенотов, он в 1989-м – после падения Берлинской стены – неожиданно попал на передний край мировой политики. Став последним премьер-министром ГДР, он участвовал в переговорах об объединении Германии и 25 лет назад – 3 октября 1990 года – оказался в числе тех, кто привёл немцев к долгожданному единству. Кстати, именно с его лёгкой руки началось политическое восхождение Ангелы Меркель, которую он пригласил на должность пресс-секретаря восточногерманского правительства. Сегодня Лотар де Мезьер входит в координационный комитет российско-германского форума «Петербургский диалог» и призывает к сближению России и Европы.

Пожалуй, трудно найти более подходящее место для встречи с соавтором немецкого единства, чем... Эрмитаж. Там, в роскошных интерьерах одного из залов, прошло заседание рабочей группы «Культура» «Петербургского диалога», стремящейся наводить «духовные мосты» между Россией и Германией. Вёл заседание директор Эрмитажа Михаил Пиотровский, а активное участие в дискуссиях принимал Лотар де Мезьер – человек, чья судьба, как и знаменитый музей, пропитана духом европейской истории. Немецкая деловитость, французская утончённость и русская сердечность... Он с молодых ногтей проявлял интерес к культурным традициям – качество, которое впоследствии помогло ему влюбиться в Россию.

Впрочем, первый опыт общения с представителями нашей страны сложно назвать безоблачным, поскольку пришёлся он на суровые военные годы. Родившись 2 марта 1940 года в городе Нордхаузен, он в 5 лет застал чудовищные бомбардировки союзников, а затем познал голод, холод и лишения при американской и советской оккупации.

– Я хорошо помню душераздирающий рёв сирены воздушной тревоги, зажигательные бомбы и грозные языки пламени, поднимающиеся над окрестными домами, – вспоминает господин де Мезьер. – Самыми страшными оказались бомбардировки в начале апреля 1945 года, после которых город был разрушен на 85 процентов. Война до сих пор ассоциируется у меня с чем-то красным и горящим. А когда поблизости воеет сирена пожарной машины, я поневоле вздрагиваю. Говорят, представители военного поколения в России тоже потом не могли избавиться от калечащих душу воспоминаний...

Родной город Лотара де Мезьера заняли американцы (которые, по его словам, вели себя высокомерно), а затем их сменили солдаты Красной Армии. На начальном этапе русские и немцы старались держать дистанцию – во многом из-за языкового барьера. Но если советские солдаты вселяли ужас во взрослых людей («Вдруг меня отправят в Сибирь?»), то детей они окружали любовью и заботой.

– О, эта знаменитая русская сердечность! Ярче всего она проявлялась в обращении с самыми маленькими, – вспоминает наш герой. – Впрочем, уже скоро отношения между русскими и немцами нормализовались. В школе мы учили русский язык, правда, делали это из-под палки. Нас вместо бытовой лексики заставляли зубрить выражения вроде «субботник», «как закалялась сталь» и «перевыполнить план».

Почти в каждой воинской части были свои музыкальные коллективы, пусть и не такие хорошие, как ансамбль Александрова.

– А ещё мы много слушали русскую музыку на уроках и вплоть до смерти Сталина пели на уроках «Сулико», его любимую песню. Помните? На-на-на-на...

С 1958 по 1962 год Лотар де Мезьер учился в Высшей школе музыки имени Эйслера, осваивая премудрости игры на альте, и в это время любовь к России возрастала в его сердце благодаря знакомству с русскими музыкальными традициями. Звездой всей своей жизни он называет Дмитрия Шостаковича, чьи симфонии, по его мнению, наиболее ярко запечатлели весь ужас войны и сталинского режима.

– Однажды я выиграл какой-то конкурс и, как победитель, получил право две недели стажироваться в Московской консерватории имени Чайковского, – продолжает господин де Мезьер. – Меня тогда поразила та одержимость искусством, которую я наблюдал у русских студентов. Они репетировали повсюду, даже на лестнице. Но моя главная удача состояла в том, что Давид Ойстрах в это время находился в Москве, а не разъезжал с гастрольями. И в течение двух недель я с упоением наблюдал, как он работает со студентами. О, это было невероятное переживание, одно из важнейших событий моей жизни! Для нас, молодых музыкантов из Восточной Германии, Ойстрах был богом, а его исполнение сонат Брамса я до сих пор считаю непревзойдённой вершиной.

«В церковь заходит молодой человек и кричит: «Стена открыта!»»

С 1962 по 1975 год Лотар де Мезьер играл на альте в ведущих коллективах ГДР, включая прославленный симфонический оркестр Берлинского радио. Но стать знаменитым музыкантом, подобно своему кумиру Ойстраху, ему было не суждено. Из-за болезни он больше не мог должным образом обращаться с инструментом, и пюпитр с нотами любимых симфоний пришлось сменить на рабочий стол юриста, усыпанный кипами официальных бумаг. С 1969 по 1975 год де Мезьер изучал право в Берлинском университете им. Александра Гумбольдта, после чего начал работать адвокатом, защищая в том числе и восточногерманских диссидентов. Именно в этот период он близко познакомился с изнанкой правящего режима, по поводу которого с детства не питал иллюзий.

– Наша семья всегда старалась держаться вне системы, – вспоминает де Мезьер. – Партийные бонзы называли религию опиумом для народа, а мы, как верующие христиане, не могли это принять. Впрочем, уезжать из ГДР никто из нас тоже не стремился: раз уж Господь судил жить в этой стране, то наш долг – быть со своим народом. В целом церковь в Восточной Германии была тем местом, где каждый мог высказать всё, что хотел. Во избежание скандала государство старалось не слишком усердствовать с наведением порядка среди верующих. И так, шаг за шагом вокруг Протестантской церкви в ГДР стали создаваться диссидентские группы – подобно тому, как с подачи Католической церкви в Польше возник профсоюз «Солидарность».

Вступив ещё в 1956 году, в шестнадцатилетнем возрасте, в восточногерманский Христианско-демократический союз, Лотар де Мезьер не верил, что застанет при жизни падение «партии и правительства». Он считал, что гэдээровскую модель нужно реформировать, хотя события, происходившие в странах соцлагеря, не располагали к радужным прогнозам.

– Наше общество находилось в перманентной депрессии, – вспоминает де Мезьер. – После строительства Берлинской стены, подавления восстаний в ГДР и Венгрии и провала «Пражской весны» мы думали, что ждать быстрых перемен не стоит. Но вот в середине 1980-х годов пришёл Горбачёв, который стал для нас, восточных немцев, почти мессией. Помню, 7 октября 1989 года Михаил Сергеевич приехал во Дворец Республики на празднование 40-летия ГДР и тысячи людей приветствовали его радостным криком: «Горбач! Горбач!» Произошли аресты митингующих, и в тот момент стало ясно, что дни режима сочтены...

В это время Лотар де Мезьер, будучи известным берлинским адвокатом, занимал должность заместителя синода – своеобразного парламента при Лютеранской церкви. Не помышляя о лаврах политика, он начал участвовать в публичных дебатах о будущем ГДР. И в исторический день 9 ноября 1989 года, когда ликующие немцы начали сносить Берлинскую стену, он как раз вёл одну из таких дискуссий.

– Я находился во Французском соборе на берлинской площади Жандарменмаркт, – вспоминает господин де Мезьер. – Мероприятие называлось «Как жить дальше в этой стране?». И вот в церковь вдруг заходит молодой человек и радостно кричит: «Стена открыта!» Двое участников ещё не успели выступить, поэтому мы решили остаться и выслушать всех до конца... Как говорил Ленин, если немцы решат делать революцию и соберутся штурмовать перроны, то сначала они пойдут в кассу и купят билеты.

«При объединении Германии я понял, что такое настоящее милосердие»

На следующий день после падения Берлинской стены состоялся исторический съезд восточногерманского ХДС. Из трёх кандидатов делегаты отдали предпочтение господину де Мезьеру – как фигуре, малопривлекательной к непопулярному режиму. В марте 1990 года прошли первые свободные выборы в Народную палату, на которых ожидаемую победу одержал «Альянс за Германию» во главе с христианскими демократами, предложившими проект немедленного объединения двух германских государств. А уже 12 апреля Лотар де Мезьер возглавил правительство, став последним премьер-министром в истории ГДР.

– Я сказал своим коллегам: перед нами стоит странная цель – ликвидировать своё государство, – улыбается он. – Но сделать это оказалось непросто. Поначалу Запад не хотел признавать наши дипломы. Понимаете, чем это пахло? Восточные немцы потеряли бы своё достоинство! Я прямо сказал Колю, что не допущу существования в объединённой Германии миллионов неграмотных. И это – только один из примеров. В течение полугода мне приходилось работать с семи утра до двух часов ночи почти каждый день. Питался я только сигаретами и кофе, но чувство сопричастности к великим событиям окрыляло и давало силы. Когда я стал политиком, то весил 65 килограммов, а через год от меня осталось всего 51 килограмм. И в этом состоит различие между мной и Гельмутом Колем – при стрессе он наедался до отвала.

Возрождение федеральных земель, проведение местных выборов, переход от плановой экономики к рынку, адаптация к законам ФРГ... Какие только проблемы не приходилось решать правительству де Мезьера! При этом последний премьер ГДР вплоть до осени 1990 года вместе с западногерманским канцлером Гельмутом Колем участвовал в переговорах «2+4» об объединении Германии – при посредничестве держав – победительниц во Второй мировой войне (СССР, США, Великобритания и Франция).

– Консультации шли с переменным успехом, – вспоминает господин де Мезьер. – Безоговорочно поддерживали нас только американцы. Французы проявляли нерешительность, боясь оказаться в тени более сильного соседа. К счастью, Гельмуту Колю, близкому товарищу Франсуа Миттерана, удалось в достаточной степени развеять его страхи. А вот Маргарет Тэтчер до последнего момента вставляла нам палки в колёса. Возможно, сказала её нелюбовь к немцам вкупе с воспоминаниями о бомбёжках Англии германской авиацией.

А как вели себя советские переговорщики? Всегда ли они говорили «да» западным партнёрам, как гласит миф, которым овеяна горбачёвская дипломатия?

– Москва стояла на пороге трудного решения, поскольку ей предстояло расстаться с огромной сферой влияния, – утверждает Лотар де Мезьер. – Во время моей первой беседы с советским министром иностранных дел Эдуардом Шеварднадзе он сообщил мне, что в 1941 году, через неделю после начала войны, погиб его старший брат. Я сразу же почувствовал себя виноватым. Но потом Шеварднадзе стал оказывать нам огромную поддержку. И на мой вопрос: «Почему вы нас защищаете?» – он ответил: «Потому что вам очень повредил другой грузин», намекая на роль Сталина в разделе Германии. В этот момент я вспомнил, как в детстве учил религиозную песенку вместе с моей очень набожной бабушкой. Однажды, заучивая слова, я спросил у неё: «Бабуля, а что такое милосердие?» «Вырастешь – узнаешь», – ответила она. И вот 12 сентября 1990 года при подписании в Москве договора об объединении Германии я понял, что такое настоящее милосердие.

«Горбачёв исполнял представительские функции, а я работал»

3 октября 1990 года считается датой окончательного и официального объединения Германии. После этого праздничного дня Лотар де Мезьер некоторое время занимал пост министра по особым поручениям в правительстве Гельмута Коля, но затем был вынужден его покинуть из-за скандальной публикации в журнале «Шпигель». Популярное издание утверждало, что соавтор немецкого единства много лет сотрудничал с гдээровской разведкой «Штази» под кличкой «Черни». Впоследствии эта утка так и не подтвердилась, но де Мезьер ничуть не жалеет, что перестал восседать на вершине политического олимпа.

– Я сознательно ушёл из политики, – говорит он. – Уже после объединения я какое-то время поработал депутатом, но быстро понял, что это не моё. Наш род и так дал немало известных политиков: мой кузен Томас де Мезьер сейчас занимает пост министра внутренних дел в правительстве Меркель. Ну а я уже вряд ли переживу взлёт больший, чем тот, который остался позади. Ведь я был причастен к объединению Германии!..

После ухода с крупных политических постов Лотар де Мезьер вернулся в свою адвокатскую контору. Но в 2005 году, когда с лёгкой руки Владимира Путина и тогдашнего канцлера ФРГ Герхарда Шрёдера родился «Петербургский диалог», он принял предложение стать председателем немецкого координационного комитета этого авторитетного форума. С российской стороны аналогичный пост занял Михаил Горбачёв, по поводу чего Лотар де Мезьер любит шутить: «Он больше исполнял представительские функции, а я больше работал». Впрочем, летом нынешнего года де Мезьера сменил на посту председателя близкий соратник госпожи Меркель Рональд Пофалла, хотя наш герой по-прежнему входит в немецкий координационный комитет.

– Мы, восточные немцы, имеем особую эмоциональную связь Россией, – объясняет он свою активность в «Петербургском диалоге». – Музыканты в Лейпциге совсем иначе исполняют Шостаковича, чем в Кёльне: как-то более по-русски, что ли... Я вообще считаю, что сближение между нашими странами должно в первую очередь происходить в культуре. Да, Брюссель ведёт переговоры о вступлении Турции в ЕС, но разве кто-то может с ходу назвать хоть одного турецкого писателя, композитора или художника? Зато мы все читаем Достоевского и Толстого, слушаем Чайковского и Шостаковича, а без Кандинского не можем представить европейскую живопись XX столетия. В культурном плане Россия является частью Европы. А если говорить о политике, то к концу XXI столетия в мире останется всего два-три центра силы – Америка, Китай... Теоретически Европа может стать третьим полюсом, но только если объединит усилия с Россией.

о разном

Об Ангеле Меркель

– С госпожой Меркель мы познакомились весной 1990 года во время избирательной кампании. Я сразу оценил её блестящий ум, способность к структурному мышлению и предложил ей должность пресс-секретаря.

Помню, как в конце апреля 1990 года мы ездили с ней в Москву. Поскольку она превосходно говорит по-русски, я попросил её: «Ангела, будь так добра, покатайся в метро, на троллейбусе, в автобусе и поговори с народом. Я хочу знать, что простые жители Москвы думают об объединении Германии». Оказалось, что половина людей считает так: Сталин Вторую мировую войну выиграл, а Горбачёв пришёл, чтобы её проиграть...

Ожидал ли я, что Ангела Меркель пойдёт так высоко? Честно говоря, нет. Я всегда был самого высокого мнения об интеллектуальных способностях фрау Меркель. Но я не думал, что ей хватит пробивных качеств, чтобы сделать такую карьеру в мужском мире западногерманской политики. Её взлёт оказался для меня сюрпризом.

О французских предках

– Мои предки переселились из Франции в немецкую землю Бранденбург в конце XVII века. В 1685 году «король-солнце» Людовик XIV отменил знаменитый Нантский эдикт и мир между французскими католиками и протестантами-гугенотами пошёл прахом. Начались религиозные преследования: гугеноты должны были обратно перейти в католицизм. Но мои предки наотрез отказались менять веру. К счастью, в 1685 году курфюрст Бранденбурга Фридрих Вильгельм, ставший позднее прусским королём, широко распахнул двери для французско-гугенотов. Так мои предки стали частью немецкого народа.

Разумеется, столь благородный жест монарха был продиктован не только состраданием к угнетаемым единоверцам, но и

экономическими причинами. В Тридцатилетнюю войну (1618–1648 годы) Бранденбург потерял почти половину своего населения. Франция же в этот период являлась самой развитой страной Европы. Поэтому предоставление убежища гугенотам, которые слыли великолепными организаторами мануфактурного дела, помогло курфюрсту быстро возродить своё княжество. В начале XVIII столетия население Берлина на одну треть состояло из французов, которым разрешалось иметь свои церкви, школы и даже суды. И столь грамотная миграционная политика помогла Бранденбургу-Пруссии совершить экономический рывок, а в середине XIX века объединить под своей эгидой всю Германию.

// Михаил Тюркин. Фото Светланы Зябкиной, «Петербургский диалог»

© Невское время